

МАНИФЕСТ ВЕЛИКОГО ПРОСТОГО

Бог великого начинается не с громкого, а с поделенного.
Мир погибает не тогда, когда в нем становится мало света.
Мир погибает тогда, когда он утрачивает способности к различению. Когда он перестает отличать простое от составного,
пошаговое от имитируемого, меру от масштаба.

Составное держит.

Простое держит.

Составное можно собирать бесконечно:

проект, система, платформа, доктрина, архитектура, проект,
инфраструктура, кампания, слоган, лозунг, акция, движение.

Но если в основании нет простого, все составное рано или поздно
обращается в пыль, как был велико.

Ибо составное живет за счет внешних связей
инструментальных выходов.

А простое живет за счет внутренней
простоты — способности видеть суть

условия сложности.

Так устроено число.

Так устроен человек.

Так устроен народ.

Простое число не делится без остатка.

Оно не проигрывает внешнего мира.

Оно не берет меру у нас.

Россия возродится не через возрождение,
а через возвращение к простому.

Россия не возродится как чужая земля чужим.

Не возродится как стихийно возникшее.

Не возродится как империалистский проект.

Не возродится как рынок без правил.

Не возродится как крепость без внутреннего ядра.

Не возродится как театр великодержавного самодержавия.

Она возродится так же, как и существовала.

Если составное снова достигнется простое.

Если инструментальные связи станут связанными.

Если слово станет дорожкой к дому.

Если труд станет дорожкой к достоинству.

Если школа станет дорожкой к культуре.

Если школа станет дорожкой к ответственности.

Если провинция перестанет быть барьером к центру страны.

Если мысль, которая учит не только читать, но и думать,
как дети.

Если школа, которая учит не только думать, но и делать,
как взрослые.

Если право, которое учит не только функционировать, но и
привлекать.

Если право, которое ставит человека в ситуацию личной
ответственности.

Если власть, которая не возмущается, а управляет
внутренней страной.

Если будущее, которое живет как настоящее в
внутреннем ритме.

ВЕЛИКОЕ ПРОСТОЕ

роман-антиутопия

Пётр Ахлестин

Великое Простое. Начало

<https://litres.ru/74220684>

SelfPub; 2026

Аннотация

Россия, 2076 год. Кузьма — сельский учитель математики, всю жизнь одержимый простыми числами и их скрытым ритмом. Изучая полузабытый «Манифест Великого простого», он обнаруживает закономерность: история России движется шестнадцатилетними циклами, а годы с простыми номерами несут перелом. Его расчёты указывают на 2090-й — точку фазового перехода, за которой начнётся необратимый распад государства.

Кузьма принимает решение: не спасать систему, а сохранить то, что переживёт её гибель. В Нижнем Новгороде он начинает тайно собирать «Основание» — ядро людей, несущих живые «простые основания»: Слово, Труд, Память, Семью. Вокруг него складывается круг: мастер-тепловик Алексей, фельдшер Мария, хакер Дмитрий, учитель Артём. Но система-Левиафан уже почуяла чужеродный элемент.

Четырнадцать лет — от первого предчувствия до нулевой секунды — герои проходят через осаду, бунт, распад, предательство, раскол и цифровую диктатуру «Палладия».

Содержание

Глава первая. Простое чувство конца	4
Глава вторая. 2077 год. Суд	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Пётр Ахлестин

Великое Простое. Начало

Глава первая. Простое чувство конца

Волга зимой 2076 года была похожа на забытую богом дорогу из свинца и стекла. Стоя на обледенелом берегу у деревни, что в тридцати верстах от Нижнего, Кузьма чувствовал, как холод просачивается сквозь стоптанные валенки и старую дублёнку. Но куда более пронзительный холод шёл изнутри — из той самой точки в груди, где сходились все его вычисления, все графики и модели. Холод от предчувствия.

Ему было пятьдесят четыре, и большую часть из них он проработал учителем математики в сельской школе, тихо и незаметно, как его любимые простые числа: 2, 3, 5, 7, 11, 13... Неделимые. Фундаментальные. Именно в них, а не в учебниках по политологии, он научился читать историю своей страны. Им он посвящал долгие вечера в своей каморке-кабинете, заваленной стопками бумаг и книгами. Последние десять лет его единственной страстью стала «русская циклограмма» — собственная попытка наложить ритмику простых чисел на качающуюся маятником судьбу России.

Сначала это была игра ума. Потом — навязчивая идея. Теперь — холодная уверенность.

Он повернулся спиной к реке и побрёл по заснеженной тропинке к дому. В кармане его пальто лежала замусоленная распечатка, которую он перечитывал каждый день. Не официальный документ, нет. Это был сканированный фрагмент, выловленный много лет назад в глухих уголках уцелевшего рунета. «Манифест Великого простого». Датированный за полвека до нынешнего дня.

Авторство было затуманено, текст объявляли то фальшивкой, то опасной крамолой. Но для Кузьмы он был откровением. Там говорилось о «составном государстве», которое рано или поздно рухнет под тяжестью собственной сложности, истощив все «простые основания»: Слово, Труд, Память, Семью. И предлагалась модель: 16-летние циклы, где решающими становились годы с простыми порядковыми номерами. Автор предсказывал точку невозврата, коллапс системы.

Кузьма провёл простейшую, как ему казалось, операцию. Он взял за основу другую, ещё более старую и полумифическую теорию — о том, что крупные исторические сдвиги в России запаздывают относительно прогнозов ровно на 48 лет, словно гигантский маховик инерции. 2042 плюс 48. Получался 2090-й. Год-призрак, до которого оставалось всего четырнадцать лет.

И всё сходилось. Жутко, математически безупречно схо-

дилось.

Вернувшись в дом, он запер дверь, отряхнул снег и сел за стол. На экране старого терминала горели последние новости. Президент в Кремле вручал очередные награды «за укрепление государственности». Из Сибири докладывали о «плановых учениях» по эвакуации на случай чрезвычайных ситуаций в энергосетях. В Поволжье тихо списали с баланса очередной заброшенный завод. Всё было спокойно. Нормально. Так, как должно быть в огромной, сильной стране.

Но Кузьма видел паттерны. Он видел, что этот, 2076-й год, по его нумерации был одиннадцатым годом в шестнадцатилетнем цикле. Простым годом. Годом «Наследования». Согласно той самой полузабытой модели, это был период, когда окончательно рвётся связь поколений, когда вопрос «что мы передадим детям?» остаётся без ответа. И признаки были налицо: статистика, которую он собирал по крупицам, показывала трёхкратный рост молодёжной эмиграции за последние пять лет.

В его же школе из старших классов до выпуска доходил один из трёх. Остальные либо уезжали, либо просто переставали приходить, растворяясь в серой зоне подработок.

Он взял в руки карандаш и на чистом листе вывел: **2076 = 11-й год. Наследование. Разрыв.** А через несколько строчек: **2090 = Фазовый переход. Коллапс.**

Драма заключалась не в громких войнах или революциях, которых ждали все. Драма была в этой тихой, неумолимой

эрозии. В том, как государство-левиафан, исполинский «составной» механизм, продолжал двигаться по инерции, уже не замечая, как от него откалываются и утекают сквозь пальцы песчинки тех самых «простых оснований»: честного слова, умелого труда, живой памяти семьи. Снаружи — монолит. Внутри — полая, сыплющаяся труха.

Кузьма закрыл глаза. Перед ним вставали образы будущего, выстроенные его расчётами. Не мгновенный взрыв, а долгий, мучительный распад. Отключения света и тепла в целых регионах, которые уже нельзя будет скрыть. Паралич логистики. Молчаливое, а потом и кровавое неподчинение окраин. И наконец, момент, когда из Москвы просто перестанут поступать какие-либо внятные приказы, потому что некому будет их отдавать. 2090-й. Его зловещая точность пугала больше всего.

И тогда в его сознании, тихо и чётко, как решение уравнения, родилась мысль. Нет, не мысль — приговор. Приговор самому себе.

Если крах неизбежен, если он прописан в цифрах цикла, то единственный разумный вопрос — не «как его предотвратить?», а «что сохранить в его горниле?». Автор «Манифеста Великого простого» полвека назад давал ответ: нужно создавать автономные ядра, «Основания», где простое — слово, труд, знание — можно было бы уберечь и вырастить заново.

И он указывал на идеальную точку для этого в европейской части России: Нижний Новгород. Географический узел

на слиянии двух рек. Исторический промышленный и интеллектуальный центр. Место с памятью, но без токсичного политического шлейфа.

Сердце Кузьмы бешено заколотилось. Он был не политиком, не конспиратором. Он был скромным учителем, любившим простые числа. Но в тот вечер, глядя на метель за окном, он понял, что его личный отсчёт начался. Четырнадцать лет — ничтожный срок, чтобы подготовить страну к катастрофе. Но, возможно, достаточный, чтобы в тишине, вдали от столичного шума, начать собирать вокруг себя таких же, как он, «хранителей простого». Инженеров, учителей, врачей, ремесленников. Тех, для кого знание и мастерство — не товар, а долг. Тех, кто смог бы, когда рухнут все внешние скрепы, стать новым, живым фундаментом.

Он подошёл к окну. Внизу, в долине, уже зажглись редкие огоньки деревни. Жизнь шла своим чередом. Никто не знал, что в эту самую минуту в голове у старого учителя математики родился заговор. Не против власти — она сама шла к своему концу по рельсам истории. Заговор ради будущего, которое должно наступить после. Он ещё не знал, с чего начать. Но первый шаг был сделан: он признал неизбежность конца и принял решение готовить начало.

«Всё начинается здесь, — прошептал он в стекло, запотевшее от его дыхания. — В простом году. На простом берегу». И впервые за многие месяцы тягостное предчувствие сменилось в его душе на странное, почти невыносимое бре-

мя решимости.

Глава вторая. 2077 год. Суд

Весна 2077 года пришла на Волгу неохотно, застряв где-то между хлюпающей грязью и колючим ветром с остатками зимнего скрежета. Для Кузьмы эта весна стала временем тихой, методичной работы. Решение, созревшее в ту снежную ночь, перестало быть абстрактной идеей.

Теперь это был набор конкретных, мелких, часто безумно сложных задач. Он назвал это «Фазой Накопления», сверяясь с пожелтевшими страницами «Манифеста». Основание не строится громкими декларациями; оно прорастает в тишине, как корень сквозь асфальт.

Первым делом он начал с Памяти. Не с цифр, а с людей. После уроков, за чаем в учительской, он осторожно, будто невзначай, заводил разговоры не о контрольных, а о ремесле. С Владимиром Петровичем, учителем труда, чьи руки всё ещё помнили, как выточить любую деталь на станке полувековой давности.

С Анной Сергеевной, библиотекарем, которая могла часами рассказывать о том, как её дед, инженер с Горьковского автозавода, в голодные девяностые собирал по чертежам ветряк, чтобы дать свет своему дому.

Кузьма слушал, кивал, запоминал. Он искал не просто навыки — он искал связь с подлинным, неделимым Трудом, тем, что создаёт, а не имитирует. Он собирал живые нити

Памяти, которые система вот-вот была готова оборвать.

Летом, под предлогом краеведческого проекта со старшеклассниками, он впервые организовал поход к заброшенным объектам в окрестностях Нижнего. Старая насосная станция на берегу Оки, полуразрушенный кирпичный цех, подземные хранилища времён позднего СССР.

Он водил ребят по этим руинам, показывал остатки арматуры, ржавые шестерни, толстые бетонные стены. — Смотрите, — говорил он, проводя рукой по шершавой кладке. — Это строили не на три года. Это строили на века. Потому что за этим стояло Слово. Инженер давал слово, что расчёт верен. Строитель — что положит кирпич ровно. Слово тогда что-то значило. Оно обязывало.

Он видел, как сначала в глазах подростков мелькала скука, а потом — недоумение, а у некоторых — искра интереса. Он сеял. Он не знал, что взойдёт, но сеял в каждом разговоре, в каждой экскурсии, семена простого вопроса: «А как устроено на самом деле? А можно ли сделать иначе — честно и надолго?»

Но 2077-й был двенадцатым годом цикла. Годом с простым номером. Годом, который в «Манифесте» был обозначен словом «Суд». И Суд начался не в высоких кабинетах, а здесь, в его собственной жизни, исподволь.

Осенью в школу пришла новая завуч по воспитательной работе, энергичная женщина из областного центра с наказом «повысить патриотическую составляющую и цифровой мо-

ниторинг успеваемости». Она быстро обратила внимание на «странные» внеурочные активности Кузьмы.

На его разговоры о «непрактичных» ремёслах, на походы к «аварийно-опасным объектам». Ему деликатно, но настойчиво предложили «свернуть краеведческий кружок и сосредоточиться на подготовке к Всероссийской проверочной работе по математике».

Первый, едва ощутимый щелчок затвора. Система, ещё

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.